

БОЛГАРИЯ И МАКЕДОНСКИЕ БОЛГАРЫ. 1878–1913 ГГ.

Р. П. Гришина

Гришина, Р. П. Болгария і македонські болгары. 1878–1913 рр.

У статті автор розглядає діяльність ВМОРО та організації емігрантських македонських землячеств в Болгарії як чинник втручання у внутрішнє життя країни, що набував у ній роль самостійного «гравця». Підштовхуючи матір-Болгарію до війни проти Туреччини, а протягом Балканських війн 1912–1913 рр. – і проти союзників по Балканському союзу, ультрарадикальні лідери ВМОРО виходили із пріоритету інтересів Македонії та Ординської області перед інтересами власне Болгарії.

Ключові слова: македонські болгары, ВМОРО, Балканський союз, Балканські війни.

Гришина, Р. П. Болгария и македонские болгары. 1878–1913 гг.

В статье автор рассматривает деятельность ВМОРО и организаций эмигрантских македонских землячеств в Болгарии как фактор вмешательства во внутреннюю жизнь страны, приобретшего в ней роль самостоятельного «игрока». Подталкивая мать-Болгарию к войне против Турции, а в ходе Балканских войн 1912–1913 гг. – и против союзников по Балканскому союзу, крайне радикальные лидеры ВМОРО исходили из приоритета интересов Македонии и Одринской области перед интересами собственно Болгарии.

Ключевые слова: македонские болгары, ВМОРО, Балканский союз, Балканские войны.

Grishina, R. P. Bulgaria and the Macedonian Bulgarians in the period 1878-1913

This paper studies the interference of VMORO and Macedonian communities into Bulgaria's interior life. Having become a self-dependent "player", the Macedonians instigated mother-Bulgaria to levy war upon Turkey and later – during the Balkan wars 1912-1913 – upon the fellow-members of the Balkan Alliance. VMORO radical leadership prioritized the interests of Macedonia and Edirne (Odrin) region over the interests of Bulgaria.

Keywords: Macedonian Bulgarians, VMORO, Balkan Alliance, Balkan wars.

Болгарский философ Васил Проданов в недавно вышедшей книге убедительно обрисовал определяющую роль внешнего фактора в истории Болгарии на примере трех бифуркационных точек ее развития в новое и новейшее время, когда страна стояла перед необходимостью выбора пути. Это имело место, во-первых, в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения из-под османской власти, а затем и регламентаций Берлинского конгресса (в том числе на принятие в новом болгарском государстве западного образа политического устройства). Во-вторых, при освобождении в сентябре 1944 г. в результате сложившейся расстановки внешних для Болгарии сил в ходе Второй мировой войны, и, в-третьих, в потоке революционных событий 1990-х гг. в Юго-Восточной Европе, сопровождавшихся развалом социалистического лагеря. На каждой из этих развилок Болгария была лишена возможности сделать собственный выбор. Направление выхода из ситуации определялось под внешнеполитическим давлением, которое в ряде случаев можно было бы назвать и насилем¹.

В. Проданов подробно рассматривает и результаты иностранного воздействия на внутреннюю жизнь Болгарии, с учетом ее модернизации, как это и замышлялось на международном форуме в 1878 г. Для специалистов, изучающих модернизационные процессы в странах «догоняющего» развития, особенно интересными представляются размышления этого автора о «первом болгарском капитализме», конец которому положили события 1944 г.

Дополняя поднятую В. Продановым тему о формах вмешательства во внутреннюю жизнь малых стран, приобретающих часто судьбоносный характер, автор настоящей статьи делает попытку рассмотреть такой фактор в истории Болгарии, как македонский (внутренне-внешний для этой страны). Казалось бы, меньший по важности, чем действие европейских государств, он сыграл огромную, а отчасти даже роковую, роль в ее судьбе.

В результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., произведшей фактически революцию в этой части полуострова, социальный «кокон» под крышей османской администрации в виде «возрожденческого царства болгарского духа», не обремененного содержанием чиновничества и войска, был разрушен. И довольно жестко. Как каждая революция сопро-

вождается разрушением прежнего строя, так и выход Болгарии из османской системы разорвал ее связи с внутренним османским рынком. От этого более всего пострадало болгарское ремесленное производство, а именно в нем бельгийский обществовед М. Паларе, изучавший динамику экономики и хозяйства на балканских территориях в Новое время, видит главный источник уверенного развития. И потому жестко заключает: «Экономический прогресс закончился в Болгарии в 1878 г.»².

В болгарской исторической литературе встречаются не менее болезненные оценки произошедшего: разрыв органичных экономических связей с Османской империей, пишет Васил Проданов, имел катастрофические последствия для хозяйства в болгарских землях, и потребовались два десятилетия для восстановления потерь. Он считает, что для Болгарии революция 1878 г., не будучи результатом ее собственного внутреннего развития, в экономическом отношении оказалась поворотом назад³. Процесс разорения ремесленников и возвращение их к сельскому труду, т.е. превращение вновь в крестьян, известный болгарский деятель культуры Владимир Свинтила квалифицирует как инволюционный. По его мнению, приметами времени после Освобождения стало умирание возрожденческих городов, появление «вторичного» крестьянства и другие отрицательные явления⁴. Нельзя пройти мимо квалификации этого революционного переворота Л. Д. Троцким в 1912 г. Несмотря на то, что тогда со времени Освобождения Болгарии прошло уже не менее 30 лет, вездесущий и пронизательный военный корреспондент, с интересом изучавший Болгарию и ее народ, тонко почувствовал катастрофический характер отдаленных событий: «Болгарская интеллигенция, – писал он, – катастрофически призванная (интересный акцент! – *Р.Г.*), после свержения турецкого ига, к управлению судьями страны, получила возможность увенчать примитивно-бытовую основу политической надстройки демократии»⁵. В отечественной историографии подобная точка зрения, по понятным причинам, отражения чаще всего не находит – слишком дорога здесь память о 200 тысячах российских солдат, погибших в войне 1877–1878 гг. Да и десятилетия односторонней политической пропаганды нельзя сбрасывать со счетов.

Почему же прекрасные болгарские возрожденческие идеи получили так мало шансов на реализацию в новых условиях? Казалось бы, политические контуры свободного рыночного государства получили после 1878 г. достойные европейские очертания: в Княжестве были введены либеральная конституция и выборный парламент, появились политические партии, черед сменяющих друг друга правительств. И истинный европеец во главе – князь Фердинанд, добившийся, наконец, в конце XIX в. признания на международном уровне. Почему же так грустно звучит сентенция болгарского историка Румыня Прешленовой: «К сожалению, реализация этих мечтаний и ожидаемого от них эффекта – ускорение экономического развития и культурный взлет нации – по ряду причин откладывались на десятилетия»⁶.

Княжество в 1880-е гг. лихорадило. Сдвиги в перераспределении населения с точки зрения его этничности и социализации, перемешивание человеческих судеб стали почти тектоническими. Покидала пределы болгарской автономии часть турок. С уходом их гарнизонов и администрации многие города заметно пустели, их новое заселение не могло быть быстрым⁷. Спускались с гор крестьяне, которым предстояло приспособиться к новым условиям жизнедеятельности. Нечто невероятное произошло с учительством – будучи преобладающей частью возрожденческой интеллигенции и как прослойка наиболее грамотных людей, учителя становились главным человеческим материалом для строительства болгарского государства, для создания и наполнения новых управленческих и партийно-политических структур. Им предстояла трудная внутренняя перестройка: вышедшие из недр народа, они оставались верны его традициям, но должны были стать «движителем» модернизации. «Возрожденческий интеллигент, – восклицает известный болгарский историк Николай Генчев, – будучи традиционалистом, должен был стать модернизатором»⁸. Как пишет Р. Прешленова, «всё и перевернулось с ног на голову». Она соглашается с мнением, что в 1878 г. «саморазвитие было прервано», но считает, что в стране имелись «необходимые ферменты для свободного развития»⁹. Весьма проникновенно и, кажется, психологически обоснованно оценивает обстановку «переворота» И. Пелева: «Болгарский человек, оказавшись вдруг (а с определенной точки зрения и насильственно) в совершенно новой, тотально другой ситуации, пережил болезненный культурный шок от случившегося»¹⁰.

Однако привычным упорным трудом в следующие два десятка лет после Освобождения болгарские крестьяне, ставшие свободными частными собственниками земли, сумели достичь того, что вновь вызывало у иностранцев впечатление болгарского чуда. Так, британец Генри Блейсфорд утверждал, отталкиваясь от сравнения с сербами, что у последних «отсутствует способность к постоянной работе, потому-то они и достигли за восемьдесят лет меньшего морального и материального прогресса, чем болгары всего за двадцать пять»¹¹.

Труднее обстояло дело со строительством основ болгарского государства. На практике большая часть анемичной, по мнению Н. Генчева, возрожденческой интеллигенции перешла на положение чиновников. Не все они были готовы к новому поприщу. А те, кто был готов или считал себя таковым, не имели ни управленческого опыта, ни чувства государственности (возрожденческие общины являлись самоуправлявшимися). Отсюда понятно, отчего управленческие кадры в Княжестве Болгария оказались столь слабыми. Политика и государственное управление поглотили, указывает Р. Прешленова, почти 50 тыс. человек. Недостаток же специалистов во всех областях государственной, политической и общественной жизни, требующих профессиональной подготовки, отмечался, по крайней мере, до Первой мировой войны.

Княжество Болгария, несмотря на все нестыковки, связанные с недостаточной готовностью архаичного еще общества к переходу на более высокую цивилизационную ступень, все же постепенно приспосабливалось к новому стилю жизни. Заимствованные на Западе административно-государственные институты, при всем их функциональном несовершенстве и декоративности, становились фактором новизны и **символом управленческой самостоятельности**. При этом возникшее в 1878 г., тогда еще на каком-то трудно уловимом ментальном уровне, разделение между болгарами, которые в Княжестве обрели собственную государственность, и теми, кто остались в турецком султанате, со временем становилось все осязаемее. Македонские земли в рамках Османской империи, зависли в канонах прежней архаичной структуры. Немного изменили в этом отношении турецкие реформы эпохи Танзимата с его ведущей идеей равенства всех подданных султана. Правда, неким положительным знаком явилось разрешение избирать немусульман в местные административные и судебные советы, так что в них смогли попасть и болгары. И, несмотря на ограниченные права и подчиненное положение болгар в межджисах, – пишет болгарская исследовательница М. Тафрова, – многие из них сумели включиться в работу органов провинциальной власти¹². Но это никак не решало главной проблемы – избавления от иноземной власти.

Негодование против навязанного внешними силами раскола «болгарского племени» вылилось в вспышку Разложско-Кресненского восстания в сентябре 1878 г. Но уже тогда проявилась несогласованность между частями «племени» – обращение руководства повстанцев к Комитету «Единство» в Софии с просьбой помочь добровольцами, оружием и боеприпасами (такие комитеты возникали во многих городах Болгарии в знак сопротивления международному диктату) не было удовлетворено. Разногласия возникли и по тактике. В Софии тогда признавали, главным образом, дипломатические формы борьбы против исполнения положений Берлинского конгресса.

После подавления восстания из родных мест в Княжество переселилось свыше 25 тысяч человек, очевидно, наиболее общественно активных. Известный болгарский этнограф и демограф Васил Кынчев, обследовавший македонские земли «полевым способом», писал: «После Берлинского конгресса охридская община пришла в упадок. Местная интеллигенция массово бежала в свободную Болгарию, что ослабляло фронт сопротивления иностранной пропаганде. Таким же было положение в Струге»¹³. И в течение последующих примерно 15 лет местное, этнически многоликое, македонское население оставалось в основном пассивным. Впрочем, эта пассивность имеет свою генетику – известно, что возрожденческий процесс в Одринской Фракии, Беломории, Южной Македонии, а частично и в Вардарской области развивался с запозданием и «под сильным внешним противодействием». В качестве особенности жизни населения Македонии болгарский ученый Ангел Димитров отмечает высокую плотность его включения в сферу греческих национальных интересов, так что и вхождение его в модерную эпоху происходило под влиянием тех же греков-просветителей и греческой духовной власти¹⁴. Он подчеркивает: поскольку основные усилия македонских болгар были направлены именно на церковную борьбу, их включение в сеть революционных комитетов, созданную в 1860–1870-е гг., было «слабым»¹⁵.

Сказывался, очевидно, выработанный веками жизни под иностранным гнетом психологической настрой местного населения на неторопливость, постепенность, эволюционизм. Масса населения Македонии, несмотря на все большее ощущение неравенства своего положения в сравнении с Княжеством, и понимание того, что успех северо-восточных болгар обязан, в числе прочего, размаху предварительной национально-освободительной борьбы, продолжала жить в рамках традиционализма; носителей идеи общественных перемен было мало.

Относительно дел в самом Княжестве в болгарской историографии устойчиво держится миф, будто после того, как на Берлинском конгрессе Сан-Стефанские просторы Болгарии были урезаны, все кипело здесь в страсти по объединению с Македонией. Особняком стоит мнение профессора Ивана Илчева, считающего, что отнюдь не македонский вопрос находился тогда в центре общественной жизни. «Исторические исследования, – забрасывает он наживку для дискуссии, – дурачат нас, уверяя, что основным помыслом болгар в эти годы была политика в целом и особенно македонский вопрос»¹⁶. К сожалению, «научная интрига» не развернулась. В атмосфере неизбывного идеологического патриотизма в стране предложенной новации, суть которой, как представляется, наиболее приближена к реальности, не суждено было получить развитие.

Если посмотреть на фактическую сторону вопроса, то в действительности, вслед за Кресненско-Разложским восстанием и другими проявлениями недовольства Берлинскими постановлениями, острота политического неприятия сложившейся ситуации снижается. Македония отходит на задний план в сравнении с реальной возможностью добиться объединения Княжества с Восточной Румелией. На это обстоятельство обратили внимание итальянские ученые Франческо Гуида и Рита Толомео, отмечающие, что движение Соединения являлось гораздо более сильным, чем движение за объединение с Македонией¹⁷. Это их наблюдение базируется, как пишет Р. Толомео, на реальном интересе Италии, которая все время боится объединения Болгарии и Македонии¹⁸.

Тактика же болгарских правительств 1880-х – середины 1890-х гг., да и позже, состояла в том, чтобы не провоцировать соседей и великие державы четническими выступлениями в Македонии. Любопытны рапорты бельгийского представительства в Софии. Исследовавшая их В. Костова отмечает, что в 1879–1885 гг. тема Македонии в дипломатических документах вообще отсутствовала, и что болгарские власти твердо держались негативной позиции в отношении организации чет и отправки их в Македонию. И даже предпринимали конкретные меры против самоорганизующихся чет¹⁹. Линия на сдерживание четнической деятельности продолжалась и в последующие годы. Она не была строгой и последовательной и во многом зависела от личного отношения того или иного болгарского премьера к «македонскому делу», от чего зависела и его политика – либо способствовать ему и поддерживать, либо, наоборот, «прижимать».

Дискуссии по национальному вопросу оживились в Княжестве лишь с обострением Восточного вопроса в конце XIX в. О желательности объединения болгарского народа в границах единого государства стало говорить и писаться много, но единой государственной доктрины выработано не было. Задачи ее разработки не брала на себя ни верховная власть в Болгарии, ни «патриотические» политические партии, ни отдельные их представители. Иван Евстратиев Гешов, один из лидеров Народной партии считал, что партия вообще не должна обязывать себя «конкретными программными задачами по национальному вопросу»²⁰.

Инициатива пришла извне. «Братья из Македонии», поднявшиеся в начале 1890-х гг. на борьбу против османского гнета, основали в 1893 г. Внутреннюю македонскую революционную организацию (ВМРО, позже стала македоно-одринской – ВМОРО) с целью добиться политической автономии. Но даже революционно настроенные руководители ВМОРО словно застыли во времени. Оставаясь в круге традиционных понятий, они не удосужились изучить состояние международных и внутривосточных обстоятельств в 1890-е гг., в которых им предстояло революционно действовать, и в строительстве организации примером для них стал «опыт Ботева, Левского, Бенковского и других», т.е. они использовали лекала 20-летней давности²¹. Из того же времени пришло определение цели борьбы – в неравной битве с превосходящими силами противника добиваться не столько победы, сколько политического эффекта, ведущего к интернализации конфликта и вмешательству великих держав. Надежды строились на том, что, добившись автоно-

мии, Македония сможет присоединиться к Княжеству, как это произошло с Восточной Румелией.

Не случайно в связи с этим уже цитировавшийся А. Димитров в более ранней своей работе утверждал, что известное Ильинденско-Преображенское восстание 1903 г., считающееся в Болгарии вершиной национально-освободительного движения в Македонии, было «исторически запоздалым» и лишенным реальных перспектив успеха²². Целиком соглашаясь с автором, отмечу, что эта его оценка – для многих специалистов, возможно, спорная, – не стала, как и в случае с вышеприведенным тезисом И. Илчева, предметом дискуссии среди болгарских историков.

Но нужно подчеркнуть, что политический и культурный уровень руководства организации и не мог резко выделяться на фоне той степени социально-экономического развития македонской провинции султанской Турции, которого она достигла к концу XIX в. Впрочем, с точки зрения умения стратегически мыслить недалеко ушла и политическая «элита» Княжества Болгария.

Здесь и в начале XX в. множественные и постоянно дробившиеся партии, внешне следующие западному образцу, внутренне были слабыми и мало приспособленными к предназначенной им деятельности. Неопытные и предоставленные самим себе (в Тырновской конституции такая форма политической организации, как партия, вообще не упоминалась), межпартийную борьбу за приход к власти они мотивировали, главным образом, возможностью для победителя и его сторонников беспрепятственно обогащаться. Из таких партий никак не складывалась авторитетная политическая сила, которая могла бы выработать перспективную программу внутри- и внешнеполитического развития страны. Политическая жизнь была временами бурной и шумной, но плохо регулируемой, недисциплинированной. Интеллектуальная элита оказывалась неспособной к внутреннему напряжению для выработки перспективных программ в области внешней или внутренней политики, как это загодя сделали их соседи – сербы и греки. Да никто в Болгарии и не рвался к этому. Эволюционистская идея времен Возрождения проявляла свою жизнеспособность и в условиях значительно более энергичной политической практики в условиях молодого государства. В целом государство, его органы и административные структуры были слабыми, трудно мобилизуемыми.

Главным в каждый текущий момент был вопрос о власти, и он стал, замечает болгарский исследователь Ст. Влахов-Мицов, вымещать проблему национального суверенитета²³. Современные болгарские ученые признают, что к моменту Освобождения концепции собственных национальных интересов у болгар не было, и что «преднациональный», так называемый возрожденческий идеал, не имел конкретного оформления²⁴. Его «общая форма» скорее может быть отнесена к благонамеренным мечтаниям о свободных «родных и окрестных землях». Вот почему находкой для них оказался образ Сан-Стефанской Болгарии, недостаточно обдуманно, на мой взгляд, преподнесенный российской дипломатией²⁵. Как здесь уместны слова В. Проданова: «Реализация догоняющей модернизации не может быть осуществлена либерально-демократическими многопартийными демократиями, которые начинают формироваться с середины XIX в. в странах капиталистического центра, потому что доминирование сельского общества и недостаток образованных людей и ресурсов многопартийной представительной демократии создают весьма нестабильные и неэффективные, коррумпированные режимы. Для многопартийной представительной демократии в них нет социальной базы. Не пройден еще период первоначального накопления, необходимый для ускоренной индустриализации, для создания современной тяжелой промышленности. Для успеха догоняющей модернизации нужны нелиберальные режимы»²⁶.

В 1870–1880-е гг. македонские земли, остававшиеся под властью султана, культурно «осваивались» в основном силами болгарской Экзархии. Она занималась, помимо духовного окормления македонских болгар, строительством церквей и школ, и делала это довольно успешно. Ее политика в Македонии и Фракии, в своей основе базировавшаяся на эволюционистской идее Возрождения, носила исключительно мирный характер. Но с 1890-х гг. революционные македонские практики стали добиваться перевеса на этом поле. И вскоре оттеснили мирноносцев экзарха на второй план. Уже в 1900 г. экзарх в докладе Св. Синоду в Софии выражал недовольство направлением политики «революционных апостолов» в спорных провинциях.

Для общей картины не хватает еще такого мазка, как содержание школьного образования в Княжестве. Заложенное в возрожденческую эпоху, оно уже тогда стало предметом гордости и славы болгарского народа, обладавшего, в сравнении с некоторыми соседями, «какой-то странной особенностью» – внутренней потребностью в просвещении. К нему-то, в первую очередь, и обратились власти Княжества и руководство политических партий, как к едва ли не высшей ценности. Развивая и поощряя его для ликвидации «недостатка знаний и умений в народе», они надеялись тем самым сделать страну «цивилизованной», полноправным членом мировой общности. И более того – именно образование, в категориях мышления того времени (недалеко ушедшего от возрожденческих идеалов) должно было обеспечить Болгарии экономический подъем и просперитет.

Тщательно изучивший содержание школьного обучения молодой болгарский ученый Наум Кайчев пишет: целью являлся общий подъем образовательного процесса. В книгах для чтения и учебниках много внимания уделялось природным красотам родной земли, нежным поэтическим образам, а об обязанности защищать отечество говорилось как бы мимоходом: «если нападет враг, – тогда надо оставить все и сплотиться воедино». И поистине странно для молодого государства, заинтересованного в строительстве нации, звучит констатация Кайчева: «Руководители болгарского просвещения долгое время не уделяли специального внимания воспитанию чувства патриотизма, культивированию ощущения своей национальности», в отличие, например, от сербских учебников, где воспевалось величие смерти за родину, готовности отдать жизнь за нее. В Княжестве «военные ценности не доминировали в учебниках, – продолжает он. – В них вы редко встретите стихи, величающие в глазах маленьких читателей смерть за Родину. Гораздо чаще описываются добродетели просвещения, культуры, грамотности (Кирилл, Мефодий, Климент Охридский), как и красоты родной земли»²⁷. Другой болгарский историк, Илия Тодев добавляет: «У нас мало достижений культуры под знаком национальной идеи»²⁸. На такой базе было воспитано несколько поколений болгарской молодежи. Сведения об Ильинденском восстании 1903 г., например, появились в учебнике истории только в 1917 г.

Кстати, обучение в болгарских школах на македонской территории, когда оно оказывалось в руках революционно настроенных учителей, сторонников и членов ВМОРО, сильно отличалось от того, как оно велось в Княжестве. «Революционеры» были ориентированы на привитие учащимся «духа гражданственности и патриотизма», в их классах особое внимание обращалось на болгарскую историю и географию, которые турецкая цензура часто запрещала²⁹. Не только в знаменитой Салоникской мужской гимназии, но повсеместно в школах организовывались тайные кружки, их руководителями часто выступали учителя и директора учебных заведений. Учащиеся, находившиеся в самом лабильном возрасте, легко и с радостью откликались на революционные замыслы, на борьбу, приключения, романтику³⁰. Многие из них, оказываясь потом в Княжестве, где вливались в эмигрантские македонские (земляческие) организации, стремились воздействовать на общественное мнение и политические круги Болгарии, настроить их на революционный лад, на поддержку вооруженной борьбы в турецких провинциях. Тактику действия не только извне, но и внутри Болгарии македонские революционеры стали использовать особенно энергично со времени, когда одна за другой «посыпались» неудачи в повстанческой борьбе против османских властей. Массовая эмиграция македонских и одринских беженцев, поселявшихся в Княжестве (к началу Балканских войн их численность доходила до 120 тыс., по другим данным, – до 200 тыс. человек), становилась фактором влияния на устойчивое благодушие болгарского общества – действовало уже само их присутствие, а немало их занимало места и в органах управления разного уровня.

1903 год я бы назвала особым в истории Болгарии – тогда македонский вопрос был поставлен перед болгарским правительством ребром: штаб повстанческой армии Ильинденского восстания обратился к софийскому правительству с требованием объявить войну Турции. Демарш сопровождался массовыми митингами, организованными македонскими эмигрантскими землячествами по всей Болгарии, к ним присоединялись болгарские военные, политики, простые граждане. Лозунгом было – «Война любой ценой!». Правительству с трудом удалось удержать ситуацию³¹. Оно не было готово к войне ни материально, ни морально. Не явилось ли это повторением ситуации Кресненско-Разложского восстания?

Как оценить требовательность ВМОРО к властям Княжества немедленно начать войну против Турции и фактически подставить его, неготового сражаться с явно превос-

ходящими силами противника, под смертельный удар? В поисках ответа на вопрос обратимся к любопытной конструкции отношений между ВМОРО и Княжеством, предлагаемой Ангелом Димитровым. Он пишет, что македонские организации свое понимание политики болгарского государства возводили к уровню отношений матери с ее детьми – матери-Болгарии предстояло защищать обиженных судьбой Македонию и Фракию. И, как таковая, она должна выполнять свой долг до последнего дыхания, жертвуя всем³². Как мне представляется, такой ход мысли революционных руководителей мог быть обязан их неизжитой привязанности к возрожденческому романтизму, с его мечтательностью и большими планами, но при этом и прямолинейностью, предпочтением простых решений перед сложными. А ведь жить и действовать приходилось уже в новое, не столь благостное время.

Истоки противостояния между македонским руководством и болгарским правительством, возникшего в 1903 г., до некоторой степени разъясняет уже упоминавшийся Илия Тодев. Он обратил внимание на так называемый первоначальный македонизм, заявленный еще в 1860-е гг., который Тодев считает претензией – «отчасти обоснованной, отчасти нет» – отдельных македонских литераторов (книжников) на то, что они, дескать, являются «более настоящими» и более полноценными болгарами, чем все остальные. Основания для таких претензий Тодев видит в лучше сохранившейся в Македонии культурной традиции, а также в чрезвычайно сильном, «доходившим до пароксизма», национальном чувстве. И к ощущению такого превосходства македонцев теперь добавлялось их раненое самолюбие из-за очерчивавшегося отставания в сравнении с Восточной Болгарией³³. И как результат – диалектический «перевертыш»: проявления своеобразного македонского антиболгаризма (родственного детскому эгоизму?), пренебрежение интересами собственно Болгарии со стороны левых руководителей «архиболгарской» ВМОРО, осознанное подставление ее под удар без заботы о последствиях. То, что не удалось в 1903 г., в конечном счете, произошло в 1912 г., для чего обновленному в 1911 г. ЦК ВМОРО и сторонникам организации в Болгарии пришлось приложить немало сил и действовать более продуманно.

Итак, слово «война» было произнесено. Восстание, организованное ВМОРО, и уход болгарского правительства от ответственности за судьбу болгар-повстанцев в Македонии стали началом раскола болгарского общества. В Княестве недовольство антивоенной позицией правительства проявляли не только отдельные лица. Заявление, что для достижения национального идеала следует ориентироваться на военный путь, сделало в 1903 г. руководство Демократической партии, признавшее: исчезают иллюзии, что освобождения Македонии можно добиться путем внутренних восстаний, мало надежд оставалось и на реальные реформы в ней со стороны Турции.

Но тут же происходит движение в другую сторону – именно в 1903 г. группа молодых демократов, выйдя из Демократической партии и образовав собственную Радикально-демократическую партию, занимает противоположную позицию: в документах РДП 1902, 1906, 1911 гг., фиксирует Д. Саздов, отражен «страх перед возможностью вовлечения Болгарии в военный конфликт». Молодые радикалы заявляют, что они против милитаризации страны, и что мир является первым условием прогресса и благоденствия народа. Их идеал – достижение конфедерации балканских народов, но только мирными средствами. В следующем, 1904 г., покидают Либеральную партию младолибералы, и им тоже не присуща боевая активность: они довольствуются гуманитарной помощью македонскому и фракийскому населению³⁴. Элегантно сформулировал в 1903 г. свою позицию лидер Народной партии И. Е. Гешов: «Болгария не должна допускать безнадежные движения или пускаться в безвыходные авантюры», но должна быть постоянно готова помочь «зарильским сонародникам» добиться введения реформ, регламентированных Берлинским договором. Средством для чего являются легальные формы борьбы и мирные требования тамошнего населения, а не «постоянные вооруженные и несвоевременные попытки осуществления великих, но не созревших еще идей»³⁵.

Лишь после Аннексионного кризиса 1908 г., сочетавшегося с провозглашением Княжества Болгария Царством и его главы «царем (всех) болгар», когда активизировались великодержавные программы балканских стран, оживились и сторонники идеи «Великой Болгарии». Однако и тогда сплочения общества вокруг национальной идеи не произошло. Болгарская элита, в отличие от сербской и греческой, так и не составила *мобилизующего* письменного документа-программы объединения болгарского народа, хотя на войну были

настроены Союзы офицеров и унтер-офицеров запаса, македонские и другие землячества, ряд политиков и их группировки.

Признаки раскола общества со временем становились все более явными. Тырновский акт 1908 г. понимался в Болгарии сложно: приобретение статуса независимой страны признавалось несомненным успехом, но каким способом он достигнут? Один из лидеров БЗНС Александр Стамболийский открыто заявляет: провозглашение Фердинандом независимости Болгарии в стоворе с Австро-Венгрией является государственным переворотом и угрожает интересам болгарского народа – международной изоляцией и экономическими потерями. Тогда же парламентская фракция БЗНС декларирует в Народном собрании, что считает Тырновский акт нарушением ряда статей конституции, и что это «преступление кладет начало будущим войнам»³⁶, а отрицательное отношение к войнам было принципиальной позицией БЗНС. Выступают и представители Радикальной партии. По их мнению, тырновские события – это «особый государственный переворот», продиктованный интересами монарха, а не страны. «Радикалы» отказываются величать Фердинанда царем³⁷. По-своему фрондируют социал-демократы. Руководство партии широких социалистов, выражая сочувствие борьбе македонских болгар, обращаются за ее поддержкой к международной социал-демократии. В 1907 г. проблема обсуждается на Штутгартском конгрессе II Интернационала, который принимает специальную резолюцию. Однако в самой партии есть и сторонники решения национального вопроса военным путем, хотя общая партийная позиция – против войны³⁸. Что же касается тесняков, то, как интернационалисты, они национальным вопросом в принципе не интересуются, но уверены, что будущая социалистическая революция разрешит все вопросы, в том числе и национальный.

В 1911 г. эти партии, представлявшие нижние слои общества, выступили еще более резко, когда в парламент было внесено предложение об изменении статьи 17-й конституции, принятие которого позволяло царю самостоятельно, без обращения к законодательному органу, руководить внешней политикой Болгарии. В ответ «земледельцы» развернули антивоенную кампанию по всей стране, выступая против наделения царя бесконтрольными прерогативами и против курса на милитаризацию страны. Мелкобуржуазная Радикальная партия выступила с важными документами – специальной «Конституционной платформой» и «Платформой по выборам депутатов в XV обыкновенное народное собрание» (август 1911 г.), в которых отстаивала неприкосновенность конституции.

Эти примеры позволяют говорить о том, что 30-летний опыт функционирования болгарских буржуазно-демократических структур – заимствованных, неполноценных, искривленных – оказался все же достаточным в обществе, где люди являются хозяевами своей частной собственности, чтобы граждане сумели организованно проявить несогласие с политикой власть имущих, сопротивляться ей. Или хотя бы не бояться и попытаться предъявить свои требования. Ведь даже в простом противостоянии стороны лучше понимают, чего хотят, лучше осознают самих себя, лучше формулируют. Как бы то ни было, очевидно, что именно в борьбе против случаев нарушения конституции и против курса на милитаризацию складывались в Болгарии элементы гражданского общества (как пишет профессор Великотырновского университета М. Палангурски, за годы с 1879 по 1911 болгарские граждане ходили на выборы 19 раз³⁹; должны же они были чему-нибудь научиться – добавим мы). Да, попытки сознательного общественного сопротивления были слабы, ожидаемого результата не принесли, но они по праву вошли в историю страны.

Сторонники идеи «Великой Болгарии» тем временем усиливали пропаганду. В 1910 г. известный политик Александр Малинов, тогда премьер, выступил с требованием Великой Болгарии. И не только в рамках, обусловленных Сан-Стефанским мирным договором, но и сверх того. Любопытную запись об этом оставил в мемуарах секретарь русской дипломатической миссии в Софии В. Н. Штрандтман. В конце 1909 г., покидая свой пост, он нанес прощальный визит Малинову, в ходе которого премьер заговорил о Сан-Стефанской Болгарии как о недостаточном минимуме, охарактеризовав максимум словами: «Болгария должна лечь крестом на Балканском полуострове с выходом на четыре моря, а именно – на Черное, Мраморное, Эгейское и Адриатическое»⁴⁰.

Однако массового объединения вокруг планов премьер-министра не происходило. «Специалисты» и любители разного уровня выступали со своими трактатами, где обосновывали необходимость войны для объединения всех болгар в одном государстве, но были вынуждены констатировать, что общество расколото по этому вопросу. Незванный автор

одного из таких документов, помеченного как «совершенно секретный» и датированного 25 марта 1910 г., на 30-ти с лишним страницах машинописного текста рассматривает положение Турции и остальных балканских стран. И приходит к выводу: последствия «нашей консервативной политики» для Болгарии – самые печальные, «только огонь и железо могут их преодолеть и укрепить наше существование». И в этих условиях, констатирует с возмущением аноним, «часть болгарского общества считает, что Царство должно закрыться в своей скорлупе и предаться мирному культурному и экономическому развитию»⁴¹.

И даже осенью 1911 г., когда болгарские и сербские дипломаты уже разрабатывали документы Балканского союза, в том числе секретные военные, «политическое единение, необходимое для страны, намеревающейся вступить в войну, в Болгарии отсутствовало»⁴².

В таких обстоятельствах особенно удивляет поспешность, с которой сугубо гражданское правительство Ив. Гешова вдруг стало подгонять страну к войне. Сам премьер-министр сумел даже добиться в ходе переговоров с сербскими уполномоченными некоего преимущества для своей страны – фиксации в Договоре о дружбе и союзе между Болгарией и Сербией договоренности о первоочередности войны союзников против Турции. Война против Австро-Венгрии оставалась в некоей неясной перспективе⁴³.

Если следовать болгарской историографии, уверенно утверждающей, что известие о заключении Балканского союза и о грядущей войне было встречено в обществе с пониманием, и общество было едино в таком подходе, то закономерно спросить, почему содержание договора и особенно его секретной части держалось в тайне от болгарского народа? Власти не верили, что получат поддержку с его стороны? Опасались сообщить, что не удалась отстоять принцип автономии Македонии, считавшийся нерушимым? И ведь даже руководство ВМОРО не было осведомлено о том, как договаривающиеся стороны собирались распорядиться возможной военной добычей, взятой у Турции. Так о каком же общественном единстве в вопросе о войне можно говорить?

Конечно, никто не может отнять у народа права на войну, которую он понимает как справедливую, войну за объединение «племени» и территорию его проживания. Дело заключается, главным образом, в готовности или неготовности большей части населения воспринять эту войну как свою, народную, в истинном смысле этого слова, и на такой основе объединиться вокруг центральной идеи. Ибо доверие или недоверие народа к своим руководителям многого стоит. Но, скорее всего, именно заключение Балканского союза в начале 1912 г. заставило сторонников войны задуматься о необходимости реального сплочения общества, создании в массах воинственного настроения.

Так Болгария оказалась перед новой бифуркационной точкой своего существования, на этот раз порожденной внутренними обстоятельствами. На повестке дня были вопросы – война или мирное продолжение политической и экономической модернизации страны. Выбор предстоял радикальный: каждая из стратегий – и военная, и мирная – имела своих сторонников. Первая – среди военных, ряда политиков и, главное, армии организованных македонских эмигрантов, мечтавших освободить родину и вернуться к своим очагам; подумывал о войне и царь Фердинанд. Вторая – среди низших слоев болгарского общества, состоявшего в основном из крестьянства, которое критически относилось к милитаризации страны. Эти стратегии открыто противостояли друг другу, что четко обозначил, например, Цанко Церковский, один из руководителей БЗНС, выступивший в 1910 г. со статьей такого содержания: «Болгария только что вступила на путь экономического развития, и сегодня ее силы должны быть направлены исключительно на закрепление того экономического подъема, который является единственным источником благоденствия народа, политических и гражданских свобод. Нынешнее македонствование наших патентованных патриотов приведет к тому, что вновь отвлечет внимание общества в другое направление, и собьет производительные силы страны с правильного пути»⁴⁴.

Путь сплочения общества вокруг идеи войны был далеко не простым, и во многом, в силу указанных выше обстоятельств, искусственным. Он почти не отражен в историографии. Лишь Светлозар Елдаров, один из немногих болгарских историков, кто серьезно отнесся к теме и посвятил некоторым ее деталям специальную статью. При этом, думаю, не случайно, он отметил: имеет место замалчивание роли и значения уличного нажима на принятие судьбоносного для Болгарии решения – об объявлении Турции войны⁴⁵.

Труд Елдарова дает определенное представление о том, как весной–летом происходило постепенное (и организованное!) накаливание обстановки в Болгарии. Сначала «упол-

номоченные ВМОРО» университетские профессора Л. Милетич и Ив. Георгов отправились в поездку по странам Запада, очевидно, с ритуальной просьбой вмешаться и помочь. Но о какой конкретно помощи они просили, остается неясным. В конце апреля 1912 г. на специальной конференции в Софии они заявили, что для того, чтобы получить хоть какую-нибудь поддержку, надо организовать акцию изнутри, т.е. в Болгарии. «Это стало сигналом для объединения разных групп, течений и организаций», делает вывод Елдаров⁴⁶.

Ядром дальнейшей подготовки стали офицеры действующей службы и запаса болгарской армии, а также македоно-одринские эмигрантские комитеты. 17 июня на собрании в доме члена легального ВМОКа Д. Влахова была выработана позиция: во-первых, не допустить никакого дележа Македонии и Одринского края – признается только их автономия; и, во-вторых, добиться этого можно только путем войны, для чего необходимо воздействовать на правительство. Задачей легальной деятельности была названа организация давления на население путем собраний и прочего, с выходом на проведение всенародного собора. Нелегальная же организация должна была в течение месяца подготовить восстание в Македонии и таким образом вызвать войну между Болгарией и Турцией⁴⁷.

Сколько успешны были эти усилия? В этом отношении весьма любопытны наблюдения о состоянии болгарского общества французского военного атташе майора К. Л. де Матарела, прибывшего в Болгарию в мае 1912 г. Задаваясь вопросом – «хочет ли общественное мнение войны?», в докладе от 16/29 июня он отвечал на него так: «По-видимому, нет» и упоминал при этом бытующее мнение, что болгарин пробуждается, только если затронут его интересы. И заключал: «А в этот момент ничто им не угрожает, и масса остается безразличной»⁴⁸.

Офицер, блюдуший интересы Франции, которая заявляла о нерасположенности к войне в Европе, не удовлетворяется единственной констатацией. Наоборот, он постоянно следит за изменениями в настроении болгарского общества. В его докладе важными представляются такие строки: «Ни большинство населения, ни официальные круги, похоже, не хотят войны при нынешнем положении дел». От внимания Матарела не укрылись «тематические» митинги и собрания, проводившиеся в стране. В середине июля он пишет: «Действительно, продолжается обработка общественного мнения, но, похоже, что это напрасно. ... Короче, в целом общественное мнение остается спокойным и можно верить, что так и будет продолжаться, пока не случится какое-либо из осложнений, рассмотренных в моих последних письмах...»⁴⁹.

Но в следующем докладе – от 14/27 июля уже звучит тревога: «В армии офицеры македонского происхождения проявляют в последнее время сверхвозбудимость. Некоторые из них хотели бы даже начать военные действия без объявления войны, чтобы увлечь правительство»⁵⁰. В такой обстановке не хватало только зажженной спички. И ее запалили. Ею не стало, как было задумано раньше, восстание в Македонии, где преобладала в основном неграмотная крестьянская масса⁵¹, – видимо, наиболее активную часть ее населения уже смели предыдущие, жестоко подавленные восстания, и волны эмиграции. Так, за один только повстанческий 1903 г. в Болгарию переместилось около 32 тысяч человек; переселенцы направлялись еще и в Румынию, Сербию, Словению, и больше всего после Болгарии – в США⁵².

И ВМОРО пришлось удовлетвориться терактом в Кочани. За ним последовала кровавая расправа турецких властей с местным болгарским населением, погибли десятки человек. Эта-то провокация и была использована для развертывания по всей Болгарии истеричной антитурецкой митингово-журналистской кампании, размах которой должен был показать – Болгария хочет воевать, народ требует мести. Газеты выходили под лозунгами «Война? Народ хочет войны», «К оружию!», «Долой миролюбцев!». Взрыв в Кочани был произведен левыми руководителями ВМОРО, но тогда никто особо не интересовался, как произошел теракт, кто и зачем его устроил. Эмоции переливали через край – наших бьют, надо отомстить.

«Сторонний наблюдатель» Матарел смотрел в корень событий – в донесении от 28 июля/10 августа 1912 г. он резюмировал: «Резня в Кочани должна была произойти не для того, чтобы привлечь внимание к Македонии, а чтобы заставить болгар заниматься ею. В последнее время они оставались совсем безразличными и были глухи к призывам бунтовщиков»⁵³. А два дня спустя в Софии был организован Конгресс македонских эмигрантских общин, где была принята резолюция с требованиями к болгарскому правительству немед-

ленно объявить мобилизацию. Предложенный членом руководства ВМОРО Александром Протогеровым левачий лозунг «Сейчас или никогда!» быстро получил признание⁵⁴.

В одном из последних перед началом Балканской войны донесений – от 25 августа/7 сентября Матарел фиксировал: «Сознание народа действительно в пользу войны» и при этом особо отмечал – «среди части населения и, в частности, среди македонских бунтовщиков существует большое возбуждение, они заявляют, что предпочитают видеть Болгарию исчезнувшей, чем продолжать нынешнее положение». Что это – отголоски македонского антиболгаризма?

Дополнительный нюанс состоял в том, что, хотя Балканский союз был заключен от имени болгарского правительства и, безусловно, с ведома главы государства, царь Фердинанд все еще колебался. Адресатом масштабной македонской кампании летом 1912 г. были не только народные массы, но и сам Фердинанд. Ее пик был приурочен как раз к возвращению царя из-за границы и должен был убедить его – смотрите, Ваше Величество, в Болгарии есть кому воевать. По слухам, он получал угрозы от македонских революционеров расправиться с ним в случае отказа от объявления войны Турции. Даже в российской печати сообщения об августовской кампании в Болгарии подавались в таком стиле: националисты из союза «Гибель оттоманам» угрожали царю расправой, «если Македония не будет освобождена» («Утро России»). А позже передавались и, якобы, слова самого Фердинанда: «Если бы я противился войне, я, наверное, лежал бы головой на тротуаре» («Вестник Европы») ⁵⁵. Спрашивается, кто был так заинтересован в распространении «специальной информации» за пределами Болгарии?

Августовская провокация с целью пробудить у болгар мстительный инстинкт оказалась успешной. И на этой волне народ, посчитавший нужным ответить на насилие, на объявление Первой балканской войны (октябрь 1912 г.) откликнулся не без энтузиазма. И в ходе боевых действий проявил себя героически и самоотверженно. Военные успехи балканских союзников в первые недели сражений удивили и Запад, и Россию. Но первые же победные результаты, показавшие союзникам, что им уже есть, что делить из отвоеванных турецких владений, значительно повысили градус взаимной подозрительности. Уже в январе 1913 г. Сербия заявила о несогласии с установленным в союзном договоре разграничении взятых у Турции территорий; в феврале – о дополнительных компенсациях. Тогда же руководство ВМОРО поняло, что ни о какой автономии Македонии договоренности практически нет. Отсюда его первостепенной заботой становится «сделать все возможное, чтобы не позволить болгарскому правительству подарить болгарские земли сербам и грекам», как писал Т. Александров⁵⁶.

Особенно ухудшились внутрисоюзные отношения после заключения в мае 1912 г. отдельного договора между Сербией и Грецией, направленного против Болгарии. Помимо того, что это, естественно, накалило обстановку в Софии, Александров 16 мая выступил с декларацией от имени ВМОРО, заявив, что организация не признает никаких спорных земель и считает, что в границах Македонии существуют только болгарские земли. И продолжил: если македонский вопрос не решится так, как ВМОРО того хочет, она продолжит свою революционную деятельность и для достижения цели использует все имеющиеся в ее распоряжении средства, «не обращая внимания ни на Женевские, ни на какие другие международные конвенции»⁵⁷.

Александров называл войну «нашей» (т.е. ВМОРО), признавал, что теракты в Штипе, Кичево и в Кочани были проведены «нами», и что именно они явились поводом к ней. В назревавшей межсоюзнической войне этот один из самых радикальных лидеров македонско-одринской организации видел преимущественно «дело ВМОРО» и фактически отстранялся от интересов собственно Болгарии, которой такая война была противопоказана. Как иначе оценивать его роковые заявления: «если правительство попытается избежать войны, то мы спровоцируем ее и заставим ее вести»⁵⁸.

Межсоюзническая война окончилась для Болгарии страшным поражением. И случилось это, главным образом, из-за непрофессионализма власти, низкого качества политического руководства страны, не умевшего добиться согласованных действий с военным начальством, из-за плохой дипломатической подготовки и непродуманных решений. К горькому заключению приходит болгарский историк Георгий Марков, тщательно изучивший материю Балканских войн: «Непростим проигрыш войны еще до ее начала»⁵⁹. Избранное в 1912 г. направление выхода из исторической развилки – в пользу войны – оказалось ту-

пиковым. Печальный конец эпопеи Балканских войн уже тогда означал для Болгарии крах надежд на достижение ее национального идеала, его неисполнимость. А наиболее зримым следствием ее военного поражения, да и всего комплекса взаимоотношений союзников во время обеих Балканских войн, стало образование вокруг Болгарии кольца враждебных соседних государств, которые так и не выпустили ее из состояния изоляции ни в 1920-е, ни в 1930-е годы. И немалая доля ответственности за плачевный результат, отбросивший страну на десятилетия назад, лежит на вызывающей, провокационной деятельности «македонских революционеров».

Впрочем, как показывает Д. Лабаури, после пережитого поражения и потерь многие четнические руководители, несмотря ни на что, продолжали находиться в плену максималистских лозунгов «все или ничего» и «сейчас или никогда»⁶⁰. Они скорее даже гордились тем, что ВМОРО играла самостоятельную роль в разжигании, как Первой, так и роковой для болгар Межсоюзнической войны. Но при этом мало думали о возможных последствиях или не думали об этом совсем, исповедую приоритет интересов Македонии и Одринского края перед интересами матери-Болгарии.

¹ Проданов, В. Теория на българския преход. София, 2012.

² Паларе, М. Балканске привреде око 1800–1914. Еволуција без развоја. Београд, 2010, с. 209.

³ Проданов, В. Указ. соч., с. 99–101.

⁴ Севинтила, В. Етюди по народопсихология на българите. София, 2007, с. 50.

⁵ Троцкий, Л. Очерки политической Болгарии / Л. Троцкий, Х. Кабакчиев. Москва–Петроград, 1923, с. 27.

⁶ Преиленова, Р. Училище за промяна. // **И настъпи време за промяна. Образование и възпитание в България. XIX–XX в.** София, 2008, с. 21.

⁷ Иванова, Е. Балканите: съжителство на вековете. Изследване върху (не)състояването на балканската модерност. София, 2005, с. 165.

⁸ Генчев, Н. Очерци социално-психологически типове в българската история. София, 1987, с. 150.

⁹ Преиленова, Р. Училище за промяна..., с. 21–22.

¹⁰ Пелева, И. Идеологът на нацията. Думи за Вазов. Пловдив, 1994, с. 8.

¹¹ Цит. по: Растовић, А. Велика Британија и Македонско питање. 1903–1908 године. Београд, 2011, с. 44.

¹² Тафрова, М. Танзиматът, вилаетската реформа и българите. Администрацията на Дунавския вилает. 1864–1876. София, 2010, с. 205.

¹³ Кънчов, В. Избрани произведения. Т. 1. София, 1970, с. 20.

¹⁴ Димитров, А. Раждането на една нова държава. Република Македония между югославизма и национализма. София, 2011, с. 187.

¹⁵ Там же, с. 219.

¹⁶ Илчев, И. Междено време. Дневник на един селянин, който не правеше «чудеса» в «най-чудесното» българско време. София, 2005, с. 274.

¹⁷ Там же, с. 72–73.

¹⁸ Толомео, Р. Италианската политика спрямо Княжество България от Освобождението до призоваването на Фердинанд за български княз (1878–1896). // Италия, България и Балканите. 1870–1919. София, 2012, с. 64.

¹⁹ Костова, В. Македония и македонският въпрос в белгийски дипломатически документи. 1885–1908. // Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби на българите. София, 2005, с. 343.

²⁰ Цит. по: Саздов, Д. «Войната» като път за разрешаване на българския национален въпрос в програмите и програмните документи на буржоазните партии от началото на XX век. // 90 години на организирани военноисторически изследвания в България. София, 2004, с. 348.

²¹ Гришина, Р. П. Лики модернизации в Болгарии (Бег трусцой по пересеченной местности). Москва, 2008, с. 156–157.

²² Димитров, А. Илинденско-Преображенското въстание като знак на българската историческа приемственост. // **Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби на българите.** София, 2005, с. 52.

²³ Влахов-Мицов, Ст. Владетели в примка. Книга за княз Батенберг, цар Фердинанд и цар Борис III. София, 1992, с. 62.

²⁴ Влахов-Мицов, Ст. Указ. соч., с. 11–12. См. также: Илчев И. Митът за Сан-Стефанска България както «свещена крава» на българския патриотизъм. // История, София, 1995, № 6; Петков, П. Съдбата на българския възрожденски идеал (бележки върху развитието на идеите за държавно устройство и политическото управление и реализацията им през XIX и XX век). // Двадесетият век.

Опит за равностетка. Сборник с доклади от българо-германска конференция, проведена на 3–4 март 2000. София, 2003, и др.

²⁵ *Гришина, Р. П.* Россия – Сан-Стефано – България // България и Русия между признателността и прагматизма. Доклади. София, 2008.

²⁶ *Проданов, В.* Указ. соч., с. 93.

²⁷ *Кайчев, Н.* Македонийо, възжелана. Армията, училището и градежът на нацията в Сърбия и България. 1878–1912. София, 2006, с. 64, 92.

²⁸ *Тодев, Ил.* Бележки към проблема за генезиса и ролята на националната идея в Българското възрождане. // Епохи. Велико Търново, 1994, с. 40.

²⁹ *Божинев, В.* Българската просвета в Македония и Одринска Тракия. 1878–1913. София, 1982, с. 128.

³⁰ *Гришина, Р. П.* Между България и Македония: Идеи и практика Тодора Александрова (миф о легендарном болгарском патриоте) // До и после Версаля. Политически лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009, с. 128–129.

³¹ Подробнее см.: *Елдъров, Св.* «Голямото разочарование»: България и въстанието. // Илинденско-Преображенското въстание: връх..., с. 175.

³² *Димитров, А.* Раждането на една нова държава..., с. 217, 255.

³³ *Тодев, Ил.* Бележки към..., с. 39.

³⁴ *Саздов, Д.* Указ. соч., с. 336, 339.

³⁵ Цит. по: *Саздов, Д.* Указ. соч., с. 342.

³⁶ *Геишков, Т. И.* Земеделският съюз против войната. Как сдружените земледелци се бориха против безумия на партиите. София, 1921, с. 4.

³⁷ *Стоянов, Хр.* Българската радикална партия. 1906–1949. София, 1984, с. 74.

³⁸ *Янчев, В.* Апология на Българската социалдемократия. 1891–1944. // Изследвания по история на социализма в България. 1891–1944. София, 2008, с. 73.

³⁹ *Палангурски, М.* Избирателната система в България. 1879–1911. Велико Търново, 2007, с. 267.

⁴⁰ *Штрандман, В.* Балканске успомене. Београд, 2009, с. 45.

⁴¹ Централен държавен архив, ф. 1889к, оп. 1, а.е. 33: «Рапорт-анализ положения на Балканах», 1910.

⁴² *Гришина, Р. П.* България на пути к войне и Българский земледельческий народный союз // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб, 2011, с. 22.

⁴³ Она же. К историографии темы: Россия и Балканский союз 1912 г. // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова. 1930–2005. Москва, 2010, с. 100–101.

⁴⁴ Цит. по: Бел Дж. Александър Стамболийски и БЗНС. 1899–1923. София, 1993, с. 100–101.

⁴⁵ *Елдъров, Св.* Балканската война от «сега или никога» до «всячко или нищо». // Военноисторически сборник, 2006, № 4, с. 3.

⁴⁶ Там же, с. 5–6.

⁴⁷ Там же, с. 7.

⁴⁸ Балканската война през погледа на един французин. Сборник от документи. / Съст. Ст. Славова, Цв. Дойнова. София, 1977, с. 26.

⁴⁹ Там же, с. 42.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Гуринова, О.* Создание болгарской администрации в Македонской военно-инспекционной области. 1915–1918 // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Зб. наукових праць. Харків, 2011. – Вип. 14. – С. 169.

⁵² *Бошнакова, М.* ВМОРО и емиграцията на българите от Македония след Илинденско-Преображенското въстание. // Илинденско-Преображенското въстание: връх..., с. 249–250.

⁵³ Балканската война през погледа..., с. 47.

⁵⁴ *Елдъров, Св.* Балканската война..., с. 10.

⁵⁵ *Гусев, Н. С.* Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир в поисках идентичности. М., 2011, с. 464.

⁵⁶ *Гергинов, Кр.* Непубликувани документи за дейността на Т. Александров и ВМОРО. 1910–1919. / Кр. Гергинов, Ц. Билярски // Военноисторически сборник, 1987, № 2, с. 204.

⁵⁷ Тодор Александров. Живот легенда. София, 1991, с. 133.

⁵⁸ *Гергинов, Кр.* Из кореспонденцията на Пейо Крачолов Яворов с Тодор Александров. 1911–1914. / Кр. Гергинов, Ц. Билярски // Военноисторически сборник, 1985, № 3, с. 208.

⁵⁹ *Марков, Г.* Поуки от Балканските войни 1912–1913 г. // Военноисторически сборник, 2003, с. 27.

⁶⁰ *Лабаури, Д. О.* ВМОРО на распутье: поиски путей решения болгарского национального вопроса накануне Первой мировой войны // Политические проекты на Балканах. XIX–XXI в. (Работа находится в печати).